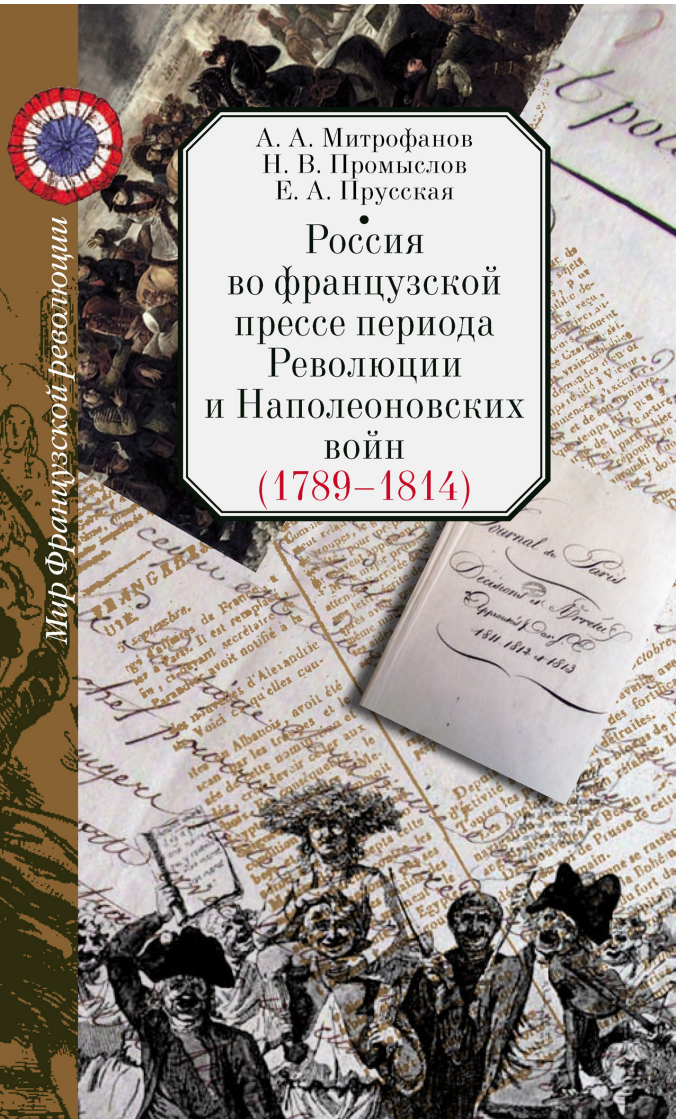
А. А. Митрофанов
Н. В. Промыслов
Е. А. Прусская

Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814)

Мир Французской революции



Евгения Александровна Прусская
Николай Владимирович Промыслов
Андрей Александрович Митрофанов

Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814)

Серия «Мир Французской революции»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65071367
Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814) / А. А. Митрофанов, Н. В. Промыслов, Е. А. Прусская: Политическая энциклопедия; Москва; 2019
ISBN 978-5-8243-2321-4

Аннотация

Предлагаемая монография стала результатом многолетней работы авторов над темой изображения России во французской прессе в период Революции и Наполеоновских войн. Двадцатипятилетие 1789-1814 гг. характеризовалось непростыми взаимоотношениями России и Франции, то воевавших друг с другом, то бывших союзниками. Авторы анализируют механизмы

функционирования прессы и управления ею со стороны государства, а также то, как публикации в центральных и региональных газетах меняли общественное мнение о Российской империи и об отдельных аспектах ее жизни. Кроме материалов прессы, авторы активно привлекают архивные источники и опубликованные письменные свидетельства эпохи.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие 7
Глава 1 23
§ 1. Изменение политики государства в области периодической печати в 1789–1814 гг 23
§ 2. Технологические и организационные особенности производства газет в конце XVIII – начале XIX в. 43
§ 3. Международные новости в прессе 49
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Андрей Митрофанов, Евгения Прусская, Николай Промыслов
Россия во французской прессе периода революции и Наполеоновских войн (1789–1814)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Мир Французской революции

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГАУГН, научный сотрудник ИВИ РАН

Промыслов Николай Владимирович – кандидат исторических наук, проректор ГАУГН, научный сотрудник ИВИ РАН

Прусская Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент ГАУГН, старший научный сотрудник ИВИ РАН

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00226

© Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А., 2019

© Политическая энциклопедия, 2019

Предисловие

На протяжении XVIII в. скорость передачи информации в Европе заметно возрастала. Появились регулярные службы почтового сообщения, в результате чего отправка частной корреспонденции получила более или менее регулярную основу. Однако даже монархи в принятии важных внешнеполитических решений нередко вынуждены были основываться на непроверенных сведениях или слухах, хотя такие сведения могли происходить и из дипломатических источников.

Иметь обширную сеть информаторов в разных странах и даже в разных уголках одной страны могли себе позволить очень немногие. Только люди вроде Вольтера и Горация Уолпола имели сеть личных корреспондентов по всей Европе для получения информации о событиях на континенте. Большинство государств также не занимались регулярным информированием своих подданных о стране и мире, в том числе и по техническим причинам: изготовление деревянных прессов оставалось трудоемким и долгим процессом, а количество получаемых таким способом копий относительно небольшим. Поэтому появившиеся еще в XVII в. газеты, выпускавшиеся различными издателями, обретали все большее значение как источник регулярной информации.

Первые газеты выходили, как правило, один иди два раза

в неделю. Постепенно их периодичность учащалась. Так, например, если в начале XVII в. большинство газет на немецком языке выходило еженедельно или реже, то к концу века 64 % – дважды в неделю, 7 % – трижды и более[1]. Одновременно росло и число изданий. В XVIII в. эти процессы продолжились и интенсифицировались.

В XVII–XVIII вв. наиболее читаемыми газетами в Европе были голландские и немецкие. Этому способствовали широкие экономические связи региона, относительно либеральное законодательство в области печати и меньшее внимание со стороны властей к публикациям по международным вопросам. Важным фактором популярности изданий региона было и наличие сильных университетских центров в Германии и Нидерландах, при которых нередко и возникали редакции. Развитию франкоязычной прессы в Голландии способствовало переселение сюда значительного числа французских гугенотов после отмены Нантского эдикта в 1685 г.

Век Просвещения часто называют веком «революции в чтении». На протяжении XVIII столетия заметно увеличилось количество публикуемых изданий. Например, в начале века в Англии издавалась 21 000 книг, а в 1790 г. уже 65 000[2]. Росло не только количество наименований печатной

---

[1] *Popkin J. D.* Revolutionary news. The press in France 1789–1799. Durham and London, 1990. P. 6.

[2] *Шартье Р.* Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения: Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Пер. с франц. М., 2003. С. 298.

продукции и тиражи отдельных изданий, но и существенно изменялось содержание. Религиозная книга по-прежнему была самым массовым чтением, но постепенно набирала популярность беллетристика, книги по науке и искусствам. Кроме того, книга стала более доступной для приобретения, появились издания малого формата, а также распространялись различные формы коллективного чтения и обсуждения прочитанного во всевозможных обществах и академиях; наконец, в целом росло число грамотных людей.

Однако наиболее заметные перемены произошли в сфере периодической печати. За XVIII в. число газет на французском языке, распространявшихся в самой Франции, возросло с нескольких десятков до 277 (накануне 1789 г.)[3]. К началу Революции французская пресса существенно отставала по всем показателям от немецкой: в 17881789 гг. в германских государствах выходило 1225 газет и журналов, что отражало динамику за все столетие (в 1720 г. насчитывалось 133 наименования)[4]. На протяжении предреволюционных десятилетий появлялись новые типы газет и журналов. Ученая и литературная периодика уступала первое место по популярности изданиям общественно-политическим, а пресса превращалась в удобный инструмент политических дискуссий вокруг последних событий, государственных реформ

[3] Там же.

[4] Там же.

или основополагающих идей политической философии[5].

С началом революционных событий во Франции пресса получила мощный импульс к развитию. Заметно выросло число периодических изданий, выходивших как в столице, так и в провинции, а также их тиражи. Во многих городах периодика появились впервые. Выросла популярность французских газет в Европе, поскольку все хотели получать информацию о таких важных событиях из первых рук, а не в пересказе немецких или голландских изданий. Газеты становились важными проводниками идей, распространявшихся различными политическими группами или отдельными мыслителями, что делало сам процесс чтения периодики важной составной частью политической жизни страны. В результате число читателей газет росло. Для того чтобы быть в курсе разных идейных течений нередко приходилось читать по несколько изданий. По классической типологии Ж. Годшо традиционно выделяют основные типы периодики, прижившиеся во Франции в революционную эпоху: газеты «чистой информации», дискуссионные газеты, периодические памфлеты, издания пропагандистского толка, газеты-афиши[6]. Таким образом, периодика вошла в повседневную жизнь многих жителей Франции. Некоторые централь-

[5] См.: Там же. С. 298, 299.

[6] *Feyel G.* Réflexions pour une histoire matérielle et économique de la presse départementale sous la Révolution // Dictionnaire de la presse française pendant la Révolution, 1789–1799. Lapresse départementale. Tome I. Ferney-Voltaire, 2005. P. XXXV

ные издания имели более 10 000 и даже более 20 000 подписчиков, а благодаря распространенным практикам коллективного чтения, в том числе в кафе, а также расклейке газет в виде афиш, фактическая аудитория изданий могла быть заметно большей. Газеты стали настоящими властительницами дум. Ведущие исследователи франкоязычной журналистики века Просвещения признают, что в формировании общественного мнения[7] XVIII в., которое стало особенно

[7] В науке существует множество различных определений термина «общественное мнение». «Общественное мнение – один из способов существования и проявления массового сознания, в котором выражается реальное отношение большинства народа или социальной группы к фактам, событиям, явлениям и процессам действительности, затрагивающим их потребности и интересы. Формирование и развитие общественного мнения происходит как целенаправленно – в результате воздействия политических организаций и социальных институтов на сознание общества, так и стихийно – под влиянием жизненных обстоятельств, социального опыта и традиций. Общественное мнение – не механическая сумма отдельных мнений, а результат их взаимообмена, обогащения, взаимопроникновения, своего рода концентрированное выражение коллективного разума» (Философский словарь / под ред. И. Т Фролова. М., 1991. С. 310). Добавим, что общественное мнение представляет собой фактор воздействия на идейную среду и на политическую жизнь, это не только «состояние умов», но и один из важных механизмов социального взаимодействия людей. Конструкт «l'opinion publique», который в XVIII–XIX вв. употреблялся в разных контекстах и радикально менял свои коннотации, в нашем исследовании рассматривается в узкой трактовке, как специфический общественный, научный, литературный феномен, порожденный в недрах институтов Старого порядка стран Западной Европы стараниями просвещенной элиты, выражавшийся в мощном влиянии литераторов, ученых, общественных деятелей на настроения и идейное развитие самих элит, а в революционный период и на настроения широких масс населения. Концепция «Общественного мнения» была тесно связана с идеей о единстве политического тела нации, выразителем ценностей которой и служили глашатаи этого «трибунала»,

значимой и влиятельной силой, ведущая роль принадлежала именно прессе[8], несмотря на то что цензурные ограничения создавали немалые сложности свободному развитию независимой от государства печати.

В период Революции французская пресса стала самой читаемой в Европе, потеснив с лидирующих позиций франкофонные издания Нидерландов и германских государств. И даже введение строгой цензуры при Наполеоне не снизило интереса в Европе к французским газетам в силу большого влияния, которое имело французское государство на внешнеполитической арене. Газеты распространялись далеко за пределами самой Франции, все более укрепляя свое влияние на европейские страны в период наполеоновских войн. Они становились важными проводниками идей различных политических групп или отдельных мыслителей, а также важным источником сведений о международной политике и других странах, в том числе о России. Новости из Российской империи в силу ее возросшего влияния на международной арене и противоречивых отношений с Францией в описываемую

т. е. наиболее известные авторы, обладавшие большим авторитетом в своей собственной профессиональной сфере и за ее пределами. См., например: *Baker K. M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imaginaire politique au 18e siècle. P., 1993. См. также: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы / пер. с нем. М., 2016. С. 149 и далее.

[8] *Рета П.* Исповедь исследователя XVIII века // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.; СПб., Ферней-Вольтер, 2001. С. 218 и далее. См. также: L'instrument periodique: la fonction de la presse au XVIII siècle. Lyon, 1985; Naissance du journal révolutionnaire. 1789. Lyon, 1989.

эпоху регулярно появлялись на страницах французских изданий.

В данной книге речь пойдет об образе России, каковым он представал перед читателями рубежа XVIII–XIX вв. на страницах французских газет. В формировании этого образа немалую роль играли как устоявшиеся за предыдущие эпохи стереотипы и штампы относительно империи царей, так и пропагандистские установки различных политических сил Франции.

Именно в период Французской революции и Первой империи были заложены основы политической культуры и национальной идентичности современной Франции. Как показывают исследования в области истории коллективного сознания[9], конституирование французской нации в конце XVIII – начале XIX в. проходило через создание образа «Другого», в роли которого нередко выступала Россия. Частые смены курса французского правительства в период 1789–1814 гг. в отношении России находили свое отражение в прессе, и динамика этих изменений вызывает немалый интерес.

Представления о том, что позволяет отдельным индиви-

---

[9] См., например: *Вовель М.* К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник. 1983. М., 1985. С. 130–148; *Озуф М.* Революционный праздник 1789–1799. М., 2003; *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2000; *Vovelle M.* La Mentalité révolutionnaire: société et mentalités sous la Révolution française. P., 1986; *Wahnich S.* L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française. P., 1997.

дам считать себя некой общностью – «своими», всегда неразрывно связаны с исследованием существовавших у разных народов образов «других» [10]. Помимо научной актуальности изучение возникших в прошлом представлений разных народов друг о друге имеет и вполне практическое значение, поскольку стереотипы взаимного восприятия меняются довольно медленно и, несмотря на изменившиеся условия, продолжают оказывать влияние на взаимоотношения разных народов на протяжении долгого времени. В частности, распространившиеся на Западе в XVIII–XIX вв. представления о России и русских и по сей день влияют на отношение стран и народов Европы и европейской общественной мысли к России. Проблема диалога, преодоления (или использования) стереотипов массового сознания – одна из важнейших в современной культуре и политике.

Методологической основой представленного исследования стали историко-антропологические методы, нашедшие применение в большом числе зарубежных (М. Фуко, Б. Геремек, Ц. Тодоров, И. Нойман, Б. Андерсен) и российских (А. Б. Давидсон, А. Н. Зашихин, С. И. Лучицкая, С. В. Оболенская, О. В. Чернышева и др.) работ, что подразумева-

[10] В последние десятилетия сложилось целое направление междисциплинарных исследований в гуманитарных науках – «имагология», в сферу которого входят как теоретическое обоснование, так и раскрытие конкретных механизмов складывания образов «других» у различных социальных, культурных и этнических общностей. Подробный обзор литературы см. в: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 251–286.

ет изучение образа России как самостоятельного феномена. Одно из основных понятий, которое используется в исследовании, – это категория «этнического стереотипа», подробно разработанная и активно применяемая сегодня в научной литературе, освещающей проблемы национальной идентичности. Согласно концепции, предложенной У. Липпманом[11] и получившей сегодня широкое распространение в исследованиях по общественным наукам, стереотип рассматривается как принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Этническим стереотипом называют существующий в коллективном сознании нации устойчивый образ самой себя или другого народа. Подобные представления укоренены в прошлом и наследуются индивидами через воспитание, влияние среды и воздействие общественного мнения.

Стереотипы имеют выраженное эмоциональное содержание, поскольку содержат в себе оценку – положительную или отрицательную. Главное в стереотипном мышлении – стремление отделить себя и «своих» от «других», свои национальные признаки от тех, которые якобы принадлежат «аутсайдеру». Характерным свойством стереотипа является его низкая изменяемость под влиянием поступающей новой информации. Неосознанное усвоение принятых в данной среде

[11] См.: *Lippman W.* Public Opinion. N. Y., 1922.

культурных норм формирует стереотипы, и реальная встреча с «чужим» становится проверкой этих впечатлений [12].

Историография предложенной темы объемна и неоднородна в силу охвата большого временного промежутка и нескольких исследовательских проблем. Ее можно разделить на группы. Первая – это внушительный пласт работ, посвященных изучению прессы XVIII – начала XIX в. в целом и ее отдельным аспектам – цензуре, отношениям властей к периодике, ее развитию в различные периоды. Подобные исследования стали появляться еще во второй половине XIX столетия [13]. В обобщающих работах по истории развития французской прессы и журналистики революционный и наполеоновский периоды также освещены [14]. С последней чет-

---

[12] См. подробнее: *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. 4-е изд. М., 2008; *она же.* Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности. М., 1999; *Филюшкина С.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142. Stereotypes and Nations / ed. by T Walas. Cracow: International Cultural Centre, 1995.

[13] *Welschinger H.* La Censure sous le premier empire, avec documents inédits. P., 1887; *Le Poittevin G.* La Liberté de la presse depuis la Révolution, 1789–1815. P., 1901; Ssderhjelm A. Le Régime de la presse pendant la Révolution française. T. 1–2. Helsingfors, 1901; *Perivier A.* Napoleon journalist. P., 1918; *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I. Пг., 1922. Впервые текст книги опубликован в 1913 г. в журнале «Русское богатство» (№ 10. С. 115–147; № 11; С. 37–69); *Cabanis A.* La Presse sous le Consulat et l'Empire (1799–1814). P., 1975; Dictionnaire de la presse française pendant la Révolution 1789–1799 / Sous la dir. de G. Feyel. T. 1–5. Ferney-Voltaire, 2005.

[14] *Hatin E.* Histoire de la presse en France. Paris, 1860; Histoire générale de la

верти XX в. начался подъем интереса к прессе эпохи Просвещения и Революции, обусловленный новыми исследовательскими задачами. В фокус исследователей попали вопросы о читательской аудитории прессы, процессы издания, общественная и политическая роль прессы[15].

Еще одна группа исследований посвящена образу России, сложившемуся в разных странах Европы в XVIII – начале XIX в. На рубеже указанных двух столетий происходило конституирование новой французской идентичности, и в этом процессе, как уже отмечалось выше, Россия сыграла важную роль. Однако в исследованиях данной категории приоритет-

---

presse française / Sous la dir. Bellanger. P., 1969; Dictionnaire des journalistes: 1600–1789 / Sous la dir. de J. Sgard. Grenoble, 1976; *Retat P., Labrosse C.* L'instrument periodique: la fonction de la presse au XVIII siècle. Lyon, 1985; *Thogmartin C.* The National Daily Press of France. Birmcngham, Alabama, 1996; *Feyel G.* La presse en France des origines a 1944. Histoire politique et matérielle. Paris, 1999; *BertaudJ. P.* La presse et le pouvoir de Louis XIII à Napoléon Ier. P., 2000.

[15] *Popkin J. D.* The Right-Wing Press in France, 1792–1800. The University of North Carolina Press, 1980*; Labrosse C., Rétat P.* Naissance du journal révolutionnaire, 1789. Lyon, 1989; *Popkin J.* News and politics in the age of Revolution. Jean Luzac's Gazette de Leyde. Cornell University press.1989; *idem.* Revolutionary news.The press in France 1789–1799. Durham and London, 1990. Media and revolution: comparative perspectives / cd. Jeremy D. Popkin. Lexington (Ky.): University press of Kentucky, 1996; *Burrows S.* French exile journalism and European politics, 1792–1814. Woodbrige, Suffolk, 2000; *Hanley W.* The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796–1799. Columbia University press, 2005.URL: http://www.gutenberg-e.org/haw01/ (дата обращения: 25.10.2014); *MartinM.* La presse régionale. Paris; Fayard, 2002; *CenserJ. R.* The French Press in the Age of Enlightenment. L.; N. Y., 2002; Enlightenment, Revolution and the periodical press / ed. by H.-J. Lüsebrink and J. D. Popkin. Oxford, 2004.

ное внимание уделено вопросам формирования представлений в исторической или общественно-публицистической литературе[16], а не в прессе. Только в последние десятилетия появился ряд работ, посвященных изображению России во французский периодических изданиях XVIII–XIX вв. [17] В недавно вышедших монографиях по социокультурной антропологии франко-российских отношений в эпоху 1812 г. пресса не является ключевым источником для исследователей[18].

---

[16] См., например: *Mohrenschildt D. S.* von. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N. Y., 1936; *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958; McNally R. The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // American Slavic East and European Review. 1958. 17, April. P. 173–189; *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII-e siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIII-e siècle. P., 1951; *Мезин С. А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 150–155; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Европы эпохи Просвещения. М., 2003.

[17] См., например: *Мильчина В. А.* Россия в католической и протестантской французской прессе («Correspondant» и «Semeur», 1840–1846) // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. Венеция, 1999. С. 186–203; *Stroev A.* La Russie dans l'Esprit des journaux (annfles 1770–1780) // L'Esprit des journaux: un périodique européen au XVIII-e siècle. Actes du colloque «Diffusion et transferts de la modernité dans l'Esprit des journaux». Bruxelles, 2009. P. 263–282; *Мильчин К. А.* Образ России на страницах газеты «Monituer universel» в 1799 году // Россия и Франция. XVIIIXX вв. Вып 6. М., 2005. С. 53–68.

[18] *Ададуров В.* Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Т 1: Религия – Язык. Киев: Лаурус, 2017; *Земцов В. Н.* Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. *Goubina M.* Russes et Français (1812–1818). Une histoire des

В целом в историографии французской прессы периода 17981814 гг. содержанию газет уделялось гораздо меньше внимания, чем вопросам журналистики, цензуры или организации газетного дела, особенно это касается наполеоновского периода. В отношении исследователей к газетам Консульства и Первой империи все еще остается актуальной фраза Е. В. Тарле: «Всякий историк, которому приходилось работать над наполеоновским периодом, знает, что пресса времен Первой империи решительно ничего ему дать не может, занимается ли он политической, экономической или культурной стороной этой эпохи»[19]. Аналогичную по содержанию фразу можно найти и в предисловии к монографии А. Кабаниса 1975 г., написанном Ж. Годшо[20].

Надо признать, что определенная доля правды за этим высказыванием есть. Пресса времен Консульства и особенно Первой империи является крайне скучным, выхолощенным чтением. Но тем не менее, поскольку периодика для большинства населения была единственным печатным источником информации о стране и мире, ее содержание заслуживает пристального внимания и изучения. Особый интерес в этом отношении вызывают материалы прессы, выходившей в периоды военных конфликтов Франции и России в 1798–1799 гг., 1805–1807 гг., 1813–1814 гг. и особенно кампании

---

perceptions mutuelles. P., 2018.

[19] *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 484.

[20] *Cabanis A.* La Presse sous le Consulat et l'Empire. P. 1.

1812 г., наложившей глубокий отпечаток на историческую память французского народа.

Несмотря на важность этой темы, фундаментального обобщающего труда на тему эволюции образа России во французской прессе Революционной и Наполеоновской эпох – периода, когда контакты двух стран были очень активными и две державы не раз переходили от войны к союзу и обратно, – еще не было сделано, и данное исследование служит тому, чтобы хотя бы отчасти заполнить эту лакуну.

Представленная вниманию читателей монография основана на широком круге источников, как опубликованных, так и архивных, но главным материалом для исследования стали франкоязычные газеты, издававшиеся во Франции или ее государствах-сателлитах. Необходимо пояснить, что под прессой в первую очередь мы подразумевали именно регулярно выходившие газеты, и наше исследование основано на контент-анализе этой категории периодических изданий в силу ее значительного влияния на общественную жизнь в изучаемый период[21]. Поскольку в эпоху 1789–1814 гг. во Франции неоднократно происходили существенные переломы политического курса и социальные потрясения, газеты, ставшие продуктом своего времени и французской общественно-политической жизни, появлялись на свет, исчезали и меняли свои идеологические установки так же драматично и порою быстро, как происходили изменения в том неста-

[21] Подробное описание источниковой базы исследования см. в гл. 1.

бильном мире, в котором они циркулировали.

* * *

Эта книга стала закономерным завершением проекта, над которым коллектив авторов работал несколько лет. Сама идея данного исследования родилась не спонтанно: мы все занимаемся разными темами и сюжетами в рамках истории Французской революции и последовавших за ней исторических событий, и именно французская и франкоязычная пресса была одним из главных источников для наших научных изысканий. Однажды мы предположили, что будет интересно и полезно подготовить обобщающий труд об образе России, который бы охватывал весь период Французской революции и Первой империи 1789–1814 гг. Во многом вдохновителем этого проекта стал

А. В. Чудинов, которому мы выражаем искреннюю признательность за его советы, наставления и неоценимую поддержку.

Авторы выражают большую благодарность всем коллегам, которые предлагали ценные замечания в ходе работы над книгой, в беседах на конференциях и семинарах, во время которых презентовались промежуточные итоги работы: В. С. Ржеуцкому (Германский исторический институт в Москве), Е. Б. Смилянской (НИУ ВШЭ), Д. Ю. Бовыкину (МГУ).

Благодарим также А. В. Гладышева, А. В. Гордона, С. А.

Мезина,

В. А. Сомова, Ю. Л. Михайлову и М. А. Липкина за советы и ценные комментарии, которые появлялись в процессе работы над этой книгой. Искренне признательны всем тем, кто в разное время помогал сделать отдельные части книги лучше: С. Я. Карпу, Н. Ю. Плавинской, Г. А. Сибиревой, Ж. Олливье, В. Ю. Сергиенко, С. Е. Летчфорду.

Отдельную признательность выражаем директору Фонда Наполеона (Париж) Тьерри Ленцу за ценные советы, беседы и дружескую поддержку. Выражаем благодарность сотруднику Библиотеки Фонда Наполеона Шанталь Прево за неизменную приветливость и помощь в поиске материалов в библиотеке.

Большая благодарность всем нашим родным и близким за их постоянную искреннюю и теплую поддержку и огромное терпение.

Глава 1
Роль периодической печати в общественной жизни Франции на рубеже XVIII–XIX вв

§ 1. Изменение политики государства в области периодической печати в 1789–1814 гг

С началом Революции периодика претерпела значительные изменения: по выражению американского историка Дж. Попкина, «новая пресса родилась с Революцией в 1789 г.»[22]. В «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 г., была провозглашена свобода слова, а Конституция 1791 г. гарантировала «свободу каждого выражать словесно или письменно, печатать и предавать гласности свои мысли, не подвергаясь никакой предварительной цензуре или провер-

[22] *Popkin J. D.* Une reprise en main et nouveau depart la presentation du texte dans les journaux entre 1794 et 1807 // Textologie du journal / ed. P. Retat. P., 1990. P. 83.

ке до их опубликования»[23]. В результате во Франции появилось множество новых газет. Но количественный скачок дополнился и множеством других резких изменений. Впервые именно в 1789 г. возник феномен конкуренции между властью и появившимися во множестве автономными печатными изданиями: государственные органы пытались с разной степенью успешности сохранить за собой функцию информирования населения, а газеты стремительно завоевывали право на свободную критику властей по любым вопросам. Между тем далеко не всегда создание новых газет становилось следствием политических причин. В ряде регионов газеты учреждали книготорговцы и владельцы типографий, для которых собственное периодическое издание становилось еще одним способом заработка, значение которого возрастало в условиях упадка интереса к книгам и роста популярности свежих новостей[24].

В XVIII – начале XIX в. периодические издания были в первую очередь коммерческими предприятиями, и потому для их владельцев продолжение выпуска газеты или журнала увязывалось в первую очередь с получением прибыли. Очень немногие издания в тот период выпускались исключительно для достижения каких-то политических целей, и,

[23] Документы истории Великой французской революции. Т 1 / отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. С. 114.

[24] В связи с этим Ж. Фейель приводит данные по региону Тулузы, где из 25 редакторов местных газет 13 были издателями или хозяевами типографий. См.: *Feyel G.* Réflexions pour une histoire matérielle. P. XXIX.

как правило, убыточные издания существовали недолго. Основным и наиболее желательным источником получения доходов издателем была подписка, поскольку она обеспечивала устойчивый доход на продолжительное время, но и она не была многочисленной. Даже в Париже домашние подписчики крупных газет исчислялись несколькими сотнями. Например, число частных подписчиков *Gazette de Paris* в 1791–1792 гг. не превышало 800 человек [25]. Заметно выше был интерес читателей к якобинской и позднее к левой прессе. Квазиофициальной газете *Journal de la Montagne* в 1793–1794 гг. парижская подписка (2112 человек) обеспечивала 38 % от общего числа подписчиков издания. На *Tribun du peuple* Бабефа подписывались 350 жителей столицы, что составляло чуть более 50 % его подписчиков[26]. Читатели в провинции также ориентировались на столичную прессу. В январе 1791 г. более 100 000 экземпляров парижских газет ежедневно рассылались по всей стране. В период якобинской

[25] Для сравнения приведем данные о подписчиках на крупнейшие периодические издания в предреволюционные годы. В 1780 г. *Gazette de France* насчитывала 12 000 подписчиков на годовой абонемент (стоимостью 15 ливров). *Mercure de France* в своей политической части только копировала центральную газету государства и, кроме того, выходила 52 раза в год. Высокая стоимость подписки (30 ливров в Париже и 32 ливра в провинции) влияла и на число постоянных читателей (1788–1789 гг. до 15 000 подписчиков). См.: Histoire générale de la presse française / Sous la dir. C. Bellanger. T 1. P., 1969. P. 199, 211.

[26] Полный список подписчиков на газету Бабефавтермидоре 1794 г. составлял 642 человека *(Aulard A.* Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 3. P. 59).

диктатуры подписка на парижские издания несколько падает, составив в 1793 г. 80 000 экземпляров. В 1795–1799 гг. эта цифра заметно возросла: ежедневно в рассылку поступало до 150 000 экземпляров столичных изданий[27]. Однако в 1799–1814 гг. число подписчиков сокращалось, что можно объяснить охлаждением публики к цензурируемым газетам[28], а также фактическим отсутствием политических дискуссий в прессе того времени. Однако и тогда газеты оставались основным источником новостей о событиях в мире.

Практика коллективного чтения была по-прежнему широко распространена во Франции в конце XVIII в., а бурная политическая жизнь только способствовала расширению совокупной аудитории периодики. Сначала городские кофейни, а затем и народные общества были местами ежедневных собраний, совместного чтения газет и их обсуждения. Большую часть времени занимало оглашение законодательных актов и чтение вслух революционной печати. Публичное чтение газет стало своеобразным общественным ритуалом[29]. В 1792 г. жирондисты добивались популяризации своих идей, вывешивая на стенах домов Парижа и провинциальных городов газету *La Sentinelle,* редактируемую Ж.-Б. Луве

---

[27] *Feyel G.* La presse en France des origines a 1944. Histoire politique et matérielle. P., 1999. P. 50–51.

[28] *Cabanis A.* La Presse sous le Consulat et l'Empire (1799–1814). P., 1975. P. 147.

[29] *Popkin J.* Media and revolutionary crisis // Media and revolution: comparative perspectives / ed. Jeremy D. Popkin. Lexington (Ky.): University press of Kentucky, 1996. P. 24.

де Кувре (тираж от 1500 до 10 000 экземпляров)[30]. К этому приему прибегали и другие политические группы. По многочисленным свидетельствам, газета Г. Бабёфа *Journal de la liberté de la presse* (с 23 номера – *Tribun du peuple)* пользовалась большим успехом и не только распространялась по подписке, но и активно продавалась на улице[31]. Бабёф использовал свои периодические издания для обратной связи со своими почитателями[32].

В критический период войны с первой коалицией (1793–1794 гг.) власти большинства департаментов публиковали настенные патриотические газеты для коллективного чтения «Bulletin du departement […]», которые отличались бедным содержанием, но выполняли важную политическую функцию консолидации общества[33].

---

[30] Газета *La Sentinelle* была рассчитана на коллективное уличное чтение; написанная простым языком, в коротких и ясных фразах, она изобличала врагов Революции и персональных врагов бриссотинцев, среди которых чаще других фигурировал М. Робеспьер. Подробнее см.: *Hatin E.* Histoire de la presse en France. P., 1860. T. 6.

[31] Бабёф объявил газету, которую по жанру скорее надо отнести к периодическим памфлетам, «почтовым ящиком для истин» и пригласил всех читателей присылать свои сообщения и письма в редакцию. Подлинно народный характер издания сближал ее, по мнению редактора, с «Другом народа» Марата. Бабёф подчеркивал, что издает газету только для «мыслителей», озабоченных судьбой Родины и Революции, не размещая ни «свежих новостей», ни пикантных историй. Сведений о России в газете не публиковалось. См.: *Черткова Г. С.* Гракх Бабёф во время термидорианской реакции. М., 1980.С. 24 и далее.

[32] *Чепурина М. Ю.* Гракх Бабёф и заговор «равных». М., 2017. С. 28.

[33] *Feyel G.* Réflexions pour une histoire matérielle et économique de la presse

Именно в революционные годы газеты стали трибуной, с которой различные политические силы могли провозглашать свои идеи, соответственно постепенно возрастало влияние на прессу политических группировок, сменявших друг друга у власти, и их желание контролировать печать. По инициативе министра внутренних дел жирондиста Жана-Мари Ролана и его супруги Манон Жанны Ролан в 1792 г. в целях создания централизованной системы управления политической информацией при министерстве было создано Бюро по формированию общественного мнения со специальным денежным фондом[34]. В его задачи входило не только создание пропагандистских памфлетов и газет, но и рассылка официальных опровержений различной информации, которая появлялась на страницах газет, а также подготовка агентов в департаментах. Но усилия четы Ролан были направлены в основном на борьбу с собственными политическими противниками, что в итоге и привело к ликвидации бюро[35]. Этот опыт создания специальных структур по управлению общественным мнением показал, что опровергать уже вышедшие

---

départementale sous la Révolution. P. XLI.

[34] *Walton Ch.* La liberté d'expression en Révolution. Les mnurs, l'honneur, la calomnie. Rennes, 2014. P. 264–266. Комитет общественного спасения и министерство внутренних дел основали «Feuille du Salut public» и «Sans-culotte observateur», а также оказывали финансовую поддержку ряду других изданий. См.: *Popkin J. D.* Revolutionary news. The press in France 1789–1799. Durham and London, 1990. P 172.

[35] Ibid. P 266.

публикации неэффективно, гораздо лучше не допускать их появления.

Период противостояния между жирондистами и монтаньярами – 1792–1793 гг. – характеризовался долгой и бурной полемикой между изданиями двух политических групп, при этом правительство вплоть до 2 июня 1793 г. старалось поддерживать жирондистские газеты. Комитет общественного спасения также прибегал к разнообразным формам контроля над прессой, в том числе была восстановлена цензура[36]. 29 марта 1793 г. был принят декрет, грозивший смертной казнью любому журналисту, рискнувшему поднять голос в пользу реставрации монархии или призывавшему к роспуску Конвента. Благодаря этому законодательному акту количество роялистских изданий в провинции значительно сократилось, а в период Великого террора с апреля по июль 1794 г. оппозиционная пресса практически исчезла.

После падения диктатуры монтаньяров на некоторое время контроль над периодикой со стороны правительства ослаб, хотя влияние прессы на политический процесс скорее росло. Редакторы и владельцы газет нередко становились политическими фигурами национального или регионального масштаба. В условиях, когда политические клубы, оппозиционные действующему правительству, постоянно подверга-

[36] См. подробнее: *Бурден Ф.* Революционная аккультурация: борьба за новую социабильность // Французский ежегодник. 2001. М., 2001. С. 205.

лись гонениям и нередко закрывались, именно периодические издания становились важными центрами политического процесса в стране. Именно вокруг них формировались общественные группы, имевшие определенное политическое влияние.

Однако постоянные нападки прессы на Директорию и резкий рост популярности роялистов в провинции привели к тому, что 27 жерминаля IV года (16 апреля 1796 г.) был принят первый в истории Франции закон, целиком посвященный печати, согласно которому под каждым опубликованным материалом должна была ставиться подпись его автора, а газеты должны были сообщать имена и адреса своих издателей[37]. Этот закон, направленный и против роялистов, и против «анархистов» (т. е. бывших якобинцев), предусматривал смертную казнь для тех, кто будет публично призывать к любым изменениям в конституции III года. 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.) депутаты-роялисты были арестованы, результаты выборов в 53 департаментах отменены, а лидеры монархистов, среди которых оказались десятки журналистов, подверглись репрессиям и депортации. Согласно новому закону от 19 фрюктидора вся печать (то есть и периодика, и книжные издания) передавалась под надзор полиции. Несмотря на столь жесткие репрессии, некоторым изданиям удалось избежать исчезновения, сменив названия и сохранив сеть подписчиков.

---

[37] См.: *Popkin J. D.* Revolutionary news… P. 173.

Одновременно началось фискально-экономическое давление на прессу, которое оказалось особенно чувствительно для небольших изданий, в том числе региональных. В сентябре и октябре 1797 г. издателей обязали выпускать газеты исключительно на бумаге с гербовым штемпелем, что значительно облегчило контроль над подписчиками и увеличило саму стоимость подписки[38]. Это нововведение, ставшее фактически налогом на газеты, вынудило многие ежедневные издания снизить периодичность, а переход от ежедневного режима публикации к любому другому изменял всю экономику малых издательств и частных редакций. Отныне газеты, выходившие два или три раза неделю, проигрывали парижским и зарубежным ежедневным изданиям в скорости доставки финансовых, политических и военных новостей из-за рубежа. Кроме того, снижение периодичности приводило к сокращению штатов и часто вело к снижению качества печати и издания в целом. По данным Ж. Фейеля, в некоторых регионах, например в Эльзасе, за год с сентября 1797 по сентябрь 1798 г. исчезли все ежедневные региональные газеты[39].

Однако политические и налоговые сложности были не единственными. Почтовая служба заметно деградировала в период Революции. Отправления доставлялись с задержка-

---

[38] *BertaudJ.-P.* La presse contre-revolutionnaire (1789–1799) // La Contre-Révolution: Origines, histoires et postérité / Sous la dir. J. Tulard. P., 2013. P. 120.

[39] *Feyel G.* Réflexions pour une histoire matérielle et économique de la presse départementale sous la Révolution. P. XXI.

ми и нередко пропадали. Для того чтобы восстановить порядок в почтовом деле, Директория в декабре 1795 г. установила новый почтовый тариф в 25 су на доставку газет, что значительно повысило стоимость подписки. Скорее всего, такое решение было продиктовано в первую очередь фискальными соображениями – Директории нужны были средства на восстановление регулярного почтового сообщения внутри страны, но оно одновременно нанесло еще один удар по экономике небольших издателей. В условиях роста цен на подписку читатели сокращали число выписываемых газет, отдавая предпочтение ежедневным и наиболее авторитетным изданиям. Кроме того, из-за нехватки почтовых служащих и для того, чтобы хоть немного придать всему процессу доставки почты видимость регулярности, изменился порядок рассылки газет по департаментам: в нечетные дни почта отправлялась на запад, север, восток, в четные – юго-запад, центр и юго-восток. Таким образом, читатели в провинции теряли возможность получать свежую прессу каждый день. Газеты не желали мириться с потерей прибыли и читателей, а потому были вынуждены обходить почтовую монополию и создавать свои сети распространения, нанимать курьеров, оплачивать транспорт. В условиях фискального и политического давления в 1796–1799 гг. обострилась конкуренция за подписчиков между региональными и парижскими газетами, во время которой фактор экономической устойчивости издательства становился ключевым и особо важную роль играли

собственные (частные) региональные сети доставки[40].

После переворота 18 фрюктидора Директория создала секретное подразделение – так называемое «политическое бюро», которое готовило статьи к публикации и занималось вопросами оплаты редакций парижских газет и отдельных авторов. «Бюро» следило за политической позицией периодических изданий. Его фактический руководитель – революционный публицист и убежденный республиканец Венсан Барбе дю Бертран – регулярно направлял членам Директории доклады о ситуации в стране, внешней политике, подготовке к выборам. Он же направлял одобренные Директорией тексты для публикации в различные газеты. Курировал деятельность платных политических журналистов генеральный секретарь Директории Лагард, он же отвечал за вопросы финансирования печати, но главным вдохновителем-идеологом бюро являлся директор Жан-Франсуа Ребель[41]. В известной степени создание такого органа было естественной реакцией властей на небывалый успех роялистской публицистики и необходимость «регулировки» общественного мнения без

---

[40] Директория неоднократно пыталась установить эффективные преграды на пути распространения газет, особенно роялистских. 24 августа 1798 г. был возобновлен запрет на доставку газет частными экипажами. См.: *Feyel G.* Réflexions pour une histoire matérielle et économique de la presse départementale sous la Révolution. P. 22.

[41] Подробнее о роли Ж.-Ф. Ребеля в становлении бюро и контроле за печатью см.: *Suratteau J.-R. Bischoff A.* Jean-François Reubell, l'Alsacien de la Révolution française. Mulhouse, 1995.

участия министерства внутренних дел[42].

В результате очередного переворота 30 прериаля VII года (18 июня 1799 г.) под давлением «полевевших» Законодательных Советов деятельность бюро остановилась, и на несколько месяцев была восстановлена относительная свобода печати[43]. Фонды РГАСПИ хранят несколько писем Венсана Барбе, который безуспешно предлагал правительству осенью 1799 г. свои услуги, но в это время тактика властей по работе с прессой изменилась[44]. Новую линию в отношении контроля за журналистикой олицетворял директор Э.-Ж. Сийес, который негодовал по поводу якобы вредной и опасной для режима якобинской печати (прежде всего *Journal des hommes libres* под редакцией Дюваля и Антонелля), заявляя, что Директория должна немедленно «вырвать из рук нескольких порочных отцеубийц кинжал отчаянных заговорщиков», то есть снова ограничить свободу печати в ожидании нового закона о прессе, а «общественное мнение не будет день за днем подвергаться порче и искажению»[45]. 2 сентября 1799 г. по приказу обновленной Дирек-

---

[42] О деятельности бюро: *Митрофанов А. А.* Россия как «антипод Французской революции». Политическое бюро Директории и генезис «русофобии» во Франции // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 102–111.

[43] Ibid. P 174–175.

[44] РГАСПИ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 3. Письма В. Барбе Ж. П. Баррасу (Л. 1-13 об., сентябрь 1799 г.).

[45] *Avenel H. Histoire* de la presse française depuis 1789 jusqu'a nos jours. Paris, 1900. P. 172.

тории вновь были проведены репрессии против ряда известных редакторов и журналистов, заподозренных в роялизме: они были высланы за границу, а за пять дней до брюмерианского переворота в Люксембургском дворце было принято решение о полной отмене свободы печати и подготовлен перечень газет, которым было дозволено публиковаться [46].

Первый консул Наполеон Бонапарт продолжил политику Директории, еще более усилив контроль над прессой вскоре после захвата власти. По меткому выражению Е. В. Тарле, французская пресса наполеоновского времени была столь ограничена властью в том, о чем дозволялось писать, что сфера ее интересов показалось историку сродни «бесплодной пустыне»[47], и с этим трудно не согласиться. Действительно, в отличие от периода Революции, когда существовало множество газет и журналов разной направленности, ведших разнообразные дискуссии, в эпоху Консульства и Империи их количество только сокращалось, содержание становилось скучнее, а законодательство в сфере цензуры и печати ужесточалось. Вскоре после переворота 18 брюмера указом первого консула из 73 парижских периодических изданий 60 были закрыты (постановление 17 января 1800 г.)[48]. Этот же декрет запрещал открытие новых газет, а министр полиции

---

[46] *BertaudJ. P.* La presse contre-revolutionnaire. P. 121.

[47] *Тарле Е. В.* Печать во Франции при Наполеоне I // Сочинения в 12 т. Т 4. М., 1958. С. 484.

[48] Там же. С. 504.

обязан был готовить отчеты о департаментской прессе[49]. Хотя форма полицейской отчетности в отношении прессы родилась еще в годы Директории, отсутствие подготовленных кадров, нестабильность самого политического режима и колебания в стратегии управления прессой не позволили республиканским властям в 17951799 гг. установить тотальный контроль над провинциальной печатью, подчас отличавшейся излишним радикализмом справа и слева.

После 18 брюмера редакторы периодических изданий стали подконтрольны министерству полиции и потому не были вольны в выборе материалов для своих газет и журналов, завися от желаний Наполеона и получая инструкции от министров. Число газет было сокращено как в столице, так и в провинциях, но одновременно был издан ряд законов, способствовавших усилению влияния прессы на общественное мнение. Министерства получили распоряжение регулярно готовить для прессы информацию о своей деятельности[50]. Таким образом, издания получили бесплатный и уникальный источник информации, что позволило собственникам и редакторам меньше беспокоиться о разверты-

---

[49] *Welschinger H.* La Censure sous le premier empire, avec documents inedits. P., 1887. P. 80–81. Фонды архива полиции F7 Национального архива Франции содержат множество таких отчетов.

[50] *Cabanis A.* Op. cit. P. 99. В переписке Наполеона есть множество писем военному министру, министру иностранных дел и министру полиции с требованиями разместить определенную информацию в газетах. См.: *Napoléon Bonaparte.* Correspondence générale. Vol. 1–8, 12. P., 2004–2013.

вании собственной корреспондентской сети. В первую очередь информацию из министерств получали парижские газеты, что повышало их привлекательность для читателя, который хотел получать официальную информацию как можно раньше. Кроме того, центральная ежедневная парижская газета *Moniteur* получила монополию на важную политическую информацию, например публикацию дебатов в законодательном корпусе и трибунате, донесения из воюющей армии также публиковались в *Moniteur* раньше. Остальным периодическим изданиям разрешалось лишь перепечатывать эти сведения из главной газеты страны.

Другие парижские газеты могли соперничать с *Moniteur* в скорости публикации ряда международных и внутренних неофициальных новостей. Например, *Journal des Débats* (с 1805 г. *Journal de l'Empire)* нередко публиковала международные сообщения раньше, чем главная газета страны. Но в провинции монополия *Moniteur* соблюдалась гораздо жестче. Декретом от 6 ноября 1807 г. провинциальным газетам запрещалось писать на политические темы, а разрешалось лишь перепечатывать те материалы, что появлялись в *Moniteur*. Нарушившим это запрет редакторам газет грозило закрытие их издания. Такой случай, например, произошел весной 1808 г. с газетой *Journal de Lyon,* редактор которой Ж. Роже осмелился перепечатать новость об армии не из *Moniteur,* а из *Journcil de soir*. Газета была закрыта, и отчаявшийся глава редакции, работники которой остались

без средств к существованию, уверял префекта в письме, что признает свою оплошность и обещает не печатать новости больше ни из какого другого издания, кроме *Moniteur*. Заступничество префекта Роны перед министром полиции помогло восстановить издание этой газеты, но М. Роже был предупрежден о том, что если еще раз ослушается приказов министра полиции, то его газета будет окончательно упразднена[51].

В годы, когда рычаги контроля над прессой находились в руках министра полиции Жозефа Фуше (1799–1802, 1804–1810), журналистика практически полностью утратила элементы независимости, хотя бывший член Конвента временами ослаблял жесткость контроля, действуя при этом в собственных интересах, но с отставкой Фуше и заменой его на Савари меры в отношении прессы стали еще более суровыми.

В июне 1810 г. министром полиции становится А. Савари, который был намерен еще более ограничить возможности прессы публиковать неугодные материалы. В своих отчетах императору о состоянии печати он, отмечая, что все материалы газет воспринимаются в окружающем мире как позиция правительства, а редакторы не всегда, несмотря на существующее указание, копируют только материалы *Moniteur,* пред-

[51] Archives Nationales. F7 3459, Rapport à Son Excellence Le Sénateur Ministre и приложенные к нему письма Ж. Роже префекту Роны Ш. Эрбувилю и префекта министру полиции от 14 июня 1808 г., письма от 3 июня, 12 апреля,13 мая, 21 июня.

лагал сократить количество газет и поставить их под еще более жесткий контроль имперского цензора[52]. В результате его усилий 3 августа 1810 г. появилось постановление о том, что в каждом департаменте может выходить только одно политическое издание. Следствием этого решения стало, с одной стороны, закрытие многих «сверхштатных» газет в провинции, но с другой – появление собственных изданий там, где раньше их не было. Хотя именно тогда многие департаменты обзавелись своей первой регулярно выходящей политической газетой[53], существовало немало региональных изданий, где политические новости не публиковались вовсе[54]. В 1810–1811 гг. после новых декретов о печати в Париже ряд газет были объединены, другие конфискованы у собственников, и в результате в столице осталось всего 4 ежедневные газеты, которые могли публиковать политические новости, в том числе международные – *Moniteur, Journal de l'Empire, Journal de Paris* и *Gazette de France.*

Если в эпоху Революции не угодные властям газеты нередко закрывались, но после этого они могли вновь возродиться

---

[52] См.: Archives Nationales. AF 1302. Rapport a Sa Majesté l'Empereur et Roi. Rapport et Projet de Décret concernant les Journaux de Paris. On propose de les réduire a six et de les soummetre a l'examen avant leur impression. P. 45–49; Archives Nationales F7 4257. Rapport a Sa Majesté l'Empereur et Roi. Rapport et Projet de Décret concernant les Journaux de Paris. On propose de réduire les Journaux politiques a deux et de les soummetre a la censure avant leur impression

[53] *Cabanis A.* Op. cit. P. 74.

[54] *Tulard J.* La vie quotidienne des Français sous Napoléon. P., 1978. P. 94.

с другим названием, то Наполеон на протяжении всего времени нахождения у власти все более урезал самостоятельность прессы. Те газеты, что были разрешены, имели шанс быть закрытыми, если первый консул, а с 1804 г. и император будет недоволен их материалами. Открывать ли новое издание каждый раз решало министерство полиции или префект после согласования этого вопроса в министерстве. Для обоснования разрешения на организацию нового издания потенциальный издатель подавал прошение, которое могло рассматриваться довольно долго, и нередко для принятия окончательного решения ответственные лица (префект или чиновники третьего департамента) запрашивали дополнительные материалы, включающие личную характеристику издателя и главного редактора. В имперский период вся ответственность за новости в газете была возложена на главного редактора, который рисковал не только своим постом, но и свободой в случае опубликования неугодного материала, а к каждой газете был приставлен цензор, хотя официально цензуры не существовало[55]. При этом цензор получал жалованье в кассе издания, что было дополнительным расходом, который мог быть весьма чувствителен для провинциальных газет с небольшими тиражами. Однако редакторы газет были так запуганы, что и не решились бы печатать ничего крамольного, ведь за публикациями газет тщательно следили не только министерство полиции, но и сам император, получав-

[55] *Тарле Е. В.* Печать во Франции… С. 516.

ший отчеты о содержании региональных изданий.

Прессу департаментов в первую очередь контролировали префекты на местах, регулярно отправлявшие отчеты по изданиям в 3 департамент министерства общей полиции, который занимался вопросами издательской деятельности (выходом как книг, так и газет). Этот же департамент ежедневно готовил на имя министра доклады по парижской прессе с приложением всех рецензируемых изданий. Иногда в эти отчеты включали одно-два региональных издания, которые почему-то показалось чиновникам важным добавить. Примечательно, что в состав документов по столичным изданиям никогда не включалась *Moniteur,* и в этом выражался его особый статус официального издания.

Император французов тщательно контролировал содержание прессы и давал четкие указания о том, какие материалы и в каких газетах нужно опубликовать. В письмах к министру иностранных дел, военному министру, государственному секретарю, а также министру полиции он регулярно посылал подобные инструкции. Основной контроль над прессой через главных редакторов газет осуществляло министерство полиции, которому они были подотчетны. Например, в письме от 24 марта 1808 г. Наполеон писал Фуше, что собирается ликвидировать газету *Publiciste,* и это вина самого министра полиции, поскольку, «назначив редактора, именно вы должны им управлять»[56].

[56] A Fouché, ministre de la police générale. 24 mars 1808 // Napoléon Bonaparte.

Таким образом, в 1789–1814 гг. законодательство в области печати ужесточалось и пресса переходила под более строгий контроль государства, а к концу имперского периода вообще утратила самостоятельность. В то же время с этой эпохой исчезает целый пласт армейской прессы, так как генералы больше не имели возможности бороться за власть, а пропаганда в армии стала осуществляться путем публикации бюллетеней.

Лидерство французской прессы в Европе, наступившее с эпохой Революции, в части международной информации не было безусловным: сведения из России, Северной и Южной Америки, Азии, Африки в Париж поступали позже, чем в Англию, Амстердам или германские города. С установлением Консульства тенденция вновь изменилась: французская пресса становилась все более неинтересным чтением, но и альтернативные франкоязычные иностранные издания также стали сдавать позиции, уступая мировое первенство английской и германоязычной печати. Кроме того, во Франции действовали ограничения на распространение иностранной прессы, и постепенно империя захватывала территории, где публиковались другие наиболее популярные в Европе газеты (Нидерланды, бассейн Рейна). Пресса там сохраняла свое существование, однако теряла самостоятельность и действовала в фарватере наполеоновской политики.

Correspondence générale. Vol. 7. 1807. Tilsit, l'apogée de l'Empire. P., 2010. № 17476.

§ 2. Технологические и организационные особенности производства газет в конце XVIII – начале XIX в.

В конце XVIII – начале XIX в. технологические особенности выпуска газет заметно влияли на тиражи изданий и объемы публикуемой информации, а также накладывали определенный отпечаток на подачу и отбор материалов. Печатный процесс в конце XVIII в. был практически таким же, как во времена Гуттенберга. В основе был ручной печатный пресс, что определяло количество копий, которые можно было сделать с одной формы и, что еще важнее, за один рабочий день, поэтому тиражи популярных изданий ограничивались не только числом подписчиков, но и числом имеющихся в наличии печатных прессов[57]. Скорость самой печати с готовой формы, по словам лейденского печатника Давида Варднера, достигала 250 оттисков с одной стороны за полчаса. Таким образом, при печати газеты в полный лист (например, *Moniteur)* за час на одном станке можно было выпустить примерно 250 выпусков газеты. Для газет меньшего формата

[57] *Popkin J. D.* News and politics in the age of Revolution. Jean Luzac's Gazette de Leyde. Cornell University press, 1989. P. 100. Здесь и далее в этом параграфе авторы опираются в первую очередь на это исследование.

необходимо соответственно умножать число подготавливаемых выпусков за час на 2, 4 или 8. Периодика, как и книги, обычно поступала к подписчикам с неразрезанными листами, так что отпечатанные листы надо было только правильно сложить. Для повышения тиража необходимо было в том числе иметь больше станков и рабочих, что заметно сказывалось на стоимости всего предприятия.

От формата издания зависел примерный объем информации, который можно было поместить в выпуске. Крайне сложным был процесс верстки таблиц и любых изображений. Даже заголовки начали выделять более крупным шрифтом только в 1780-х гг., да и то не все газеты, что было связано с экономией места для основного содержания. *Gazette de Leyde,* например, публиковала более крупным шрифтом только собственное название и практически никак не выделяла подзаголовки и названия рубрик, что позволяло опубликовать больше текста, но делало материал более трудным для чтения.

Поскольку периодические издания являлись коммерческими предприятиями и должны были приносить прибыль своему владельцу, то организационные вопросы, связанные с выпуском газеты, также накладывали определенный отпечаток на информационную политику издания. Доходы изданий могли складываться из розничных продаж, продажи рекламы, подписки и государственных субсидий (этот источник получил особенно широкое распространение в период прав-

ления Наполеона, хотя и тогда лишь дополнял подписку). Самым желательным видом дохода была подписка, тогда как розничные продажи могли зависеть от изменившейся политической ситуации, а в условиях Революции общественные настроения менялись очень быстро, и издание легко могло как утратить популярность, так и, наоборот, начать продаваться более успешно. Реклама во французских периодических изданиях между 1789 и 1814 г. не была ведущим способом заработка для издателей, хотя некоторые германские газеты тратили значительные печатные площади на публикацию платных объявлений. Например, перед Французской революцией *Hamburger Correspondent* при тираже до 20 000 экземпляров могла наполовину состоять из рекламы, что обеспечивало финансовую стабильность газеты, но объем публикуемых новостей в ней был значительно меньше, чем у других изданий сходного формата[58]. Для газет, претендовавших на общенациональное влияние, значение рекламы как источника дохода еще более снижалось из-за малого числа компаний, действовавших на всей территории Франции. Расходы редакций также были весьма стандартны: оплата корреспондентов, оплата почтовых, транспортных и типографских расходов.

Необходимость жесткого соблюдения сроков влияла на технологические процессы производства газет. Любой более сложной и долгой верстки старались избегать, чтобы не на-

[58] *Popkin J. D.* News and politics in the age of Revolution… P. 113.

рушить периодичность выхода. Именно поэтому таблицы и иллюстрации не вызывали проблем при подготовке книжных изданий, но крайне редко появлялись в периодике, особенно ежедневной. *Moniteur* часто публиковала таблицы с финансово-экономической информацией в приложениях, которые верстались и печатались отдельно. Например, в 1800-е гг. в этой газете регулярно публиковались данные по раскладке налогов по департаментам, доходам и расходам империи, а также другие большие приложения, достигавшие 100 страниц: результаты кадастровой описи земель в некоторых департаментах, а также правила проведения кадастрового учета и т. п. При выпуске книг печатники часто работали с разным ритмом и в один день могли выпустить вдвое больше оттисков, чем в другой. Для газет такой порядок был недопустим. Поэтому требования для рабочих в газетах были выше, трудились они интенсивнее, но и получали большую оплату, чем их коллеги из книжных типографий. Так, сотрудники печатной мастерской газеты *Amsterdamsche Courant,* выходившей три раза в неделю, работали в те три дня, когда нужно было печатать газету, по 20 часов – с 8 утра до 4–5 утра следующего дня и после непродолжительного сна еще должны были очистить и подготовить формы и шрифты к следующему рабочему дню[59].

Из-за таких особенностей работы в газетах квалификация печатников и наборщиков становилась очень важным факто-

[59] Ibid.

ром для организации выпуска периодических изданий, т. к. влияла на скорость подготовки и выхода номера в свет. Один хороший наборщик мог за день заполнить $^1/_3$ стандартной деревянной формы печатного пресса. Для выпуска одного номера *Gazette de Leyde* нужно было подготовить две такие формы, следовательно, в течение одного дня должно было работать минимум три наборщика. *Moniteur* печаталась размером в лист, и на подготовку стандартного выпуска, который обычно составлял 4 страницы (без приложений), необходимо было задействовать минимум шесть рабочих. При производстве крупнейшей газеты республики – *Moniteur* – было задействовано в 1794 г. 27 печатных прессов, 37 наборщиков и 54 печатника. Но при всем этом новости публиковались в ней в революционный период зачастую с задержкой в один день по сравнению с другими парижскими изданиями, которые, как правило, были меньше по формату.

Такая задержка с публикацией в *Moniteur* сохранилась и в эпоху Консульства и Империи, но только в отношении международных сообщений, которые перепечатывались из других газет либо приходили из министерства иностранных дел сразу в несколько газет. В имперский период *Moniteur* раньше, чем остальные издания, публиковала новости о внутренней политике, а также эксклюзивные материалы, которые сперва печатались в главной газете страны – например, официальные бюллетени воюющих армий (Бюллетень Великой армии или Бюллетень испанской армии и т. п.), которые

остальные газеты публиковали на день позже и ставили ссылку на *Moniteur*, хотя это правило могло и нарушаться.

§ 3. Международные новости в прессе

Сообщения о событиях за рубежом чаще всего и в большем объеме публиковались в тех изданиях, которые претендовали на звание международных. Газеты отдельных политических групп, периодические памфлеты и региональные издания уделяли гораздо меньше внимания международным сообщениям или же посвящали им всего несколько строк.

В период Революции основной материал по международной тематике, в том числе о России, содержался в редакторских статьях и гораздо реже в стенограммах заседаний Конвента. В наибольшей степени русская проблематика отражена в таких изданиях, как *Moniteur Universel, Annales patriotiques et littéraires, Journal de la Montagne, Gazette de France, Mercure de France, Journal général de l'Europe, Journal des hommes libres, Redacteur*. В имперский период те издания, которые имели традиции освещения международных вопросов, продолжали эту деятельность. Но после ряда нормативных актов, касавшихся порядка организации и деятельности периодической печати, провинциальная пресса практически полностью утратила самостоятельность в вопросах публикации новостей об иностранных делах. Главными информаторами французского общества стали центральные парижские издания – в первую очередь такие как *Moniteur Universel, Journal des Débats* (в 1805–1814 гг. *Journal de l'Empire),*

Gazette de France, Publiciste и издания германских государств даже после их вхождения в состав Французской империи.

Количество публикаций, упоминавших о России, в центральной прессе за весь период изучения можно оценить как одну заметку на три-пять номеров. Периодичность могла возрастать в период тесных переговоров и союза (например, в 1800–1801 гг., когда в Париже рассчитывали на военно-политический альянс с Петербургом, в 1802–1803 гг., когда Россия пыталась выступать посредником в переговорах Франции и Англии, или во второй половине 1807 г. после заключения Тильзитского мира) или снижаться в периоды дипломатического затишья либо подготовки стран к войне (как в начале 1811 г., когда Александр I всерьез рассматривал возможность вторжения в великое герцогство Варшавское, и весной 1812 г.). В региональной прессе количество заметок о России редко превышало три-четыре в месяц, за исключением периодов войны, когда в газетах перепечатывали армейские бюллетени. В этом случае количество статей соответствовало количеству бюллетеней.

Весь комплекс периодических изданий изучаемого периода, освещавших международные события, в том числе российские, и задействованных в данном исследовании, можно разделить на несколько групп: центральная парижская пресса, провинциальная французская пресса, пресса «братских» республик и подчиненных территорий, армейская пресса.

Внутри Франции наиболее влиятельной была **централь-**

ная парижская пресса и, в частности, газета *Gazette nationale, Moniteur Universel,* которая была главным периодическим изданием Франции на протяжении всего изучаемого периода. *Moniteur* представляла собой ежедневно выходящую газету формата в один печатный лист. Международные сообщения, как правило, открывали выпуск, размещаясь на первых двух страницах. Ни разу за весь период 1789–1814 гг. внутренние новости не были опубликованы в *Moniteur* перед международными. Порядок, в котором следовали сообщения из-за рубежа, также был определен довольно строго. Первыми шли сообщения из наиболее удаленных от Франции стран – Американский континент, Турция, Россия, затем новости как будто приближались к границе Франции и последними в разделе всегда шли сообщения из Великобритании. Если какая-то территория входила в состав Франции, то новости из нее перемещались в раздел внутренних сообщений. Этот географический порядок также старались не нарушать.

Каждое сообщение имело выходные данные с указанием источника (страна и город) и даты. Авторство заметки указывалось крайне редко. Газета сочетала в себе традиционный для французской прессы жанр новостного издания (каким, например, была *Gazette de France),* с жанром альманаха литературной и политической жизни (как, например, *Mercure de France). Moniteur* была официозным изданием, а в 1793–1794 гг. и вовсе напрямую финансировался Комите-

том общественного спасения[60]. Тем не менее материалы этой газеты отличались внешне вполне объективным тоном в подаче информации, в отличие от сильно политизированных газет, издававшихся сторонниками или противниками Революции [61]. По мнению К. П. Добролюбского, эта газета отличалась респектабельностью: *«Moniteur* была серьезным органом с солидными абонентами, и ему чужд был крикливый язык разнузданных уличных листков»[62]. Эта внешняя «беспристрастность» принесла *Moniteur* популярность, что быстро позволило газете стать неким подобием центрального издания[63], материалы которого копировали другие общенациональные и провинциальные газеты[64]. Роль издателя в процессе подготовки статей не ограничивалась решением коммерческих вопросов, и владелец газеты Ш.-Ж. Панкук оказывал непосредственное влияние на ее содержание до самой своей смерти в 1798 г.[65] Наиболее известные в революционный период редакторы этого издания Юг Маре и Клод

---

[60] Dictionnaire Napoléon / Sous la dir. J. Tulard. P., 1987. P. 1186–1188.

[61] Histoire générale de la presse. T. 1. P., 1969. P 441, 488–489.

[62] *Добролюбский К. П.* Пресса в Париже после 9 термидора // Исторические записки. 1938. № 3. С. 259.

[63] Отметим, однако, что только газета *Redacteur* стала первым официальным изданием исполнительной власти республики (газета учреждена в декабре 1795 г.).

[64] *Bertaud J.-P.* C'était dans le Journal pendant la Révolution Française. P., 1988. P 12.

[65] *Tucoo-Chala S.* Charles-Joseph Panckoucke et la librairie française de 1736 à 1798. Pau, Paris, Touzot, 1977.

Труве достигли высот государственной власти при Наполеоне и Реставрации[66]. В результате в эпоху Революции именно *Moniteur* была выбрана сменявшими друг друга французскими правительствами в качестве издания для публикации официальных документов, отчетов о заседаниях собраний и отражения позиции правительства.

Наполеон сделал его единственной официальной газетой. Именно в нем появлялась первая информация о внутренних делах во Франции, публиковались декреты и другие официальные документы. Особый статус газеты был закреплен в том числе аннотацией, которая появилась в газете под названием издания вскоре после брюмерианского переворота, в № 97 от 7 нивоза 8 года (25 декабря 1799 г.). *«Le Moniteur* является *единственной официальной газетой* (выделено в тексте. – *Авт.)*. Здесь будут опубликованы материалы заседаний законодательной власти, акты правительства, новости из армии, факты и мнения по вопросам внутренней и внешней политики, сформированные на основе министерской корреспонденции. Отдельные статьи будут посвящены наукам, ис-

---

[66] Маре Юг-Бернар (1763–1839, с 1809 г. герцог де Бассано) – редактор *Moniteur* в начале 1790-х гг., основатель рубрики «Бюллетень Национального собрания», член якобинского клуба до 1791 г., дипломат, с 1799 г. – государственный секретарь, с апреля 1811 по ноябрь 1813 г. министр иностранных дел. Труве Клод-Жозеф (1768–1860) – из семьи провинциальных ремесленников, помощник нотариуса, с 1791 г. рядовой редактор в *Moniteur,* а в 1794 г. – главный редактор. Занимал разные должности при Директории, Первой империи и Реставрации (посла, трибуна, префекта, члена Государственного Совета). Подробнее см.: Dictionnaire Napoléon. Paris, 1987. P. 1138, 1660–1661.

кусству и новым открытиям». По сути, такая аннотация являлась лишь кратким описанием того, на чем газета специализировалась и раньше, но теперь подтверждался ее статус самого близкого к новой власти издания.

Позднее аннотацию сократили. 28 плювиоза 9 года (17 февраля 1801 г.) читателей предупредили: «Мы уполномочены информировать наших подписчиков, что с 7 нивоза 8 года *Le Moniteur* является *единственной официальной газетой* (выделено в тексте. – *Авт.*)». В следующий раз подзаголовок изменился еще через два года, с 26 прериаля 11 года (15 июня 1803 г.): «Начиная с 7 нивоза 8 года акты правительства и законодательной власти, опубликованные в *Le Moniteur,* являются *официальными* (выделено в тексте. – *Авт.*)». И в таком виде продержался до 5 марта 1809 г., после чего уже исчез совсем. К этому времени подтверждать особый статус *Moniteur* уже не было необходимости.

Однако в сфере международных новостей *Moniteur* не имел монополии на публикацию информации. Очень часто зарубежная корреспонденция перепечатывалась главной газетой из других парижских и немецких изданий – *Gazette de France, Gazette de commerce, Journal de Paris, Journal de Francfort,* но прежде всего из *Journal de l'Empire.* Сообщения, подготовленные в министерстве иностранных дел, как правило, направлялись для публикации в несколько газет и из-за более долгого процесса печати и выходили в *Moniteur* позже, чем в других изданиях. Однако периодически Наполеон

в письмах министрам подчеркивал, что он желает, чтобы новость сначала появлялась в главной газете империи, а потом уже копировалась оттуда в другие издания. Например, все, что было связано с событиями в Испании, сначала должно было появляться в *Moniteur*[67].

В настоящем исследовании использованы также другие парижские периодические издания: выходившие под общей редакцией литератора и политика Л.-С. Мерсье *Annales patriotiques e tlitétraire sou la Tribune de politique et de commerce,* якобинские печатные органы *Journal de la Montagne* (где активно работал драматург А. Валькур) и *Journal des hommes libres de tous les pays ou le Republican,* официальная газета Директории *Redacteur,* а также издания *Gazette de France* и *Mercure de France, Journal du soir de politique et de littérature de la rue de Chartres* и *Journal de Perlet, Journal de Paris.* Все эти периодические издания с разной степенью интенсивности освещали события в России.

Провинциальная французская пресса на всем протяжении исследуемого периода довольно редко публиковала оригинальную информацию о международных событиях и о России в том числе. Зарубежные новости представляли собой преимущественно перепечатки или краткие пересказы статей из немецких, голландских, английских и париж-

---

[67] A Fouché, ministre de la police générale. 13 février 1810 // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. T. 9. Wagram. Février 1809 – Février 1810. P., 2013. № 23118.

ских газет, в зависимости от степени актуальности публикуемых там новостей и географической близости департамента к таким важным центрам рассылки международной информации, как Гамбург, Франкфурт, Лондон, Брюссель, Амстердам. Больше чем войны и дипломатия авторов и издателей региональных газет интересовали местные проблемы, морская торговля, цены на рынках, природные катаклизмы регионального масштаба, местная политическая борьба. Изредка в региональных изданиях появлялись перепечатки новостей о придворной жизни Петербурга. Такое положение было связано с тем, что у местных издателей не было собственных корреспондентов за рубежом, к тому же пространные и дублирующие друг друга сообщения парижских газет о международной жизни не было необходимости перепечатывать на местах. Кроме того, региональная пресса, как правило, выходила в небольшом формате, а следовательно, редакторы должны были экономить место для оригинальных материалов о местных проблемах. Важно подчеркнуть, что, несмотря на расцвет прессы в революционное десятилетие, характер и содержание местных газет 1788 г. и, например, 1811 г. были весьма схожи, с той небольшой разницей, что технологические и транспортные ограничения конца Старого порядка сменились политическими и почтовыми ограничениями наполеоновской империи.

Из всего океана региональной французской периодической печати конца XVIII – начала XIX в. лишь ограниченное

число изданий регулярно освещало события международной политики. Это практически исключительно газеты портовых городов и крупных транспортных центров. К их числу относились и газета *Le Nécessaire, ou Journal du département de la Côte-d'Or,* издававшаяся в Дижоне Г. Габе, влиятельное прованское издание *Journal de Marseille,* выходившее под редакцией Ф. Божара*, Bulletin, affiches, annonces et avis divers de la ville et du département de Bordeaux,* а также орлеанская газета*Journal général du département du Loiret ou Annonces, affiches et avis divers de la ville d'Orléans,* выходившая под редакцией местного издателя Л.-П. Куре де Вильнёва. Информации о событиях в России в них содержалось крайне мало.

Провинциальные газеты вынуждены были реагировать на все политические события в Париже. Переворот 31 мая – 2 июня 1793 г. привел к закрытию одних популярных газет и к быстрой деградации других. Период жесткой цензуры в 1793–1794 гг. уничтожил свободную прессу по всей стране, а репрессии и нововведения после переворота фрюктидора V года поставили периодику в весьма сложные политические и экономические условия – фактически на грань выживания.

В период правления Наполеона региональная пресса, с одной стороны, как и центральная, подверглась жесткому давлению со стороны властей ввиду ужесточения цензуры, с другой стороны, декрет от 3 августа 1810 г., постановивший, что в каждом департаменте должна быть одна политическая газета, способствовал созданию в ряде департаментов

первых периодических изданий, освещавших политическую жизнь в стране и в меньшей степени за рубежом. Информационная политика в пределах империи была унифицирована и потому в оценках международного положения региональная пресса, находившаяся под контролем префектов, четко следовала за центральной. Вместе с тем все увеличивавшийся масштаб военно-политической пропаганды и цензурные ограничения французской прессы вынуждали читателей искать другие, более достоверные источники информации. В связи с этим возрастала роль газет, выходивших в Брюсселе, Лейдене, Амстердаме, Гамбурге, Франкфурте. Доверие к изданиям из этих регионов оставалось выше, несмотря на то что сами упомянутые города постепенно вошли в состав Первой империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.